

Кульшанова А.А.

**ҰЛТТЫҚ КОММУНИЗМ ДОКТРИНАСЫ: КОММУНИЗМ ЖӘНЕ
ҰЛТШЫЛДЫҚ ИДЕОЛОГИЯСЫНЫҢ СИНТЕЗИ**

Кульшанова А.А.

**ДОКТРИНА НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМА: ИДЕОЛОГИЯ СИНТЕЗА
КОММУНИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА**

A.A. Kulshanova

**THE DOCTRINE OF NATIONAL COMMUNISM: COMMUNISM AND
NATIONALISM IDEOLOGY SYNTHESIS**

УДК: 93/94:91.05

Мақалада автор облысының ұлттық дамудың ұлттық коммунизм өкілдерінің тұжырымдамалық тәсілдерін зерттейді. Осы саладағы ең танымал өкілдер большевиктердің тәсілдерін ортодоксалды жолынан өте әр түрлі білдірді. Ұлттық саясатты іске асыру үшін, олар Шығыстағы халықтарының мәдениетін, өмірін, салт-дәстүрін, жергілікті сипаттамаларын назарға қабылдау қажет деп санады. Маңызды рөл көп біріктіруші факторы болып ислам дініне беріледі. Ұлттық элита өкілдерінің жарқын, бастапқы есептілігі, көптеген жолдармен ресми идеологияға сәйкес келмейтін және, әрине, ол билік тарапынан қолдау таппады, кейіннен Ұлттық-коммунизм көшбасшыларына қарсы қуғын әкелді.

Түйінді сөздер: *мұсылмандық ұлттық-коммунизм, түркі республика, ислам, ұлттық элита.*

Автор в статье анализирует концептуальные подходы представителей национал-коммунизма на национальное развитие региона. Видные представители данного направления высказывали подходы, во многом отличавшиеся от ортодоксальной линии большевиков. Они считали, что при реализации национальной политики на Востоке, необходимо учитывать местные особенности культуры, быта, традиции народов. Немаловажная роль при этом отводилась исламу, как во многом консолидирующему фактору. Яркие, неординарные высказывания представителей национальной элиты, во многом не совпадавшие с официальной идеологией, конечно же не были поддержаны властью, что впоследствии вылилось в репрессии против деятелей национал-коммунизма.

Ключевые слова: *мусульманский национал-коммунизм, Туркская Республика, ислам, национальная элита.*

The author in the article examines the conceptual approaches of the representatives of national communism in the national development of the region. Prominent representatives of this area expressed approaches, quite different from the orthodox line of the Bolsheviks. They believed that the implementation of the national policy in the East, is necessary to take into account local characteristics of culture, life, traditions of peoples. An important role is given to Islam as much consolidating factor. Bright, original statements of representatives of the national elite, do not coincide with the official ideology in many ways, of course, it was not supported by the authorities, which subsequently resulted in the repression against the leaders of the National-Communism.

Key words: *muslim national communism, the Turkic Republic, Islam, the national elite.*

Важным компонентом национальной элиты Казахстана и Туркестана были деятели коммунистиче-

ского движения, взгляды которых на национальное развитие края зачастую отличались от ортодоксальной линии большевиков.

Представители евро-американской историографии А. Беннигсен и Э. Уимбуш в книге «Мусульманский национал-коммунизм в Советском Союзе: революционная стратегия для колониального мира» считают, что мусульманская элита Центральной Азии, восприняв идею освобождения и одновременно отказываясь следовать его европейским образцам, выдвинула свою доктрину «как синтез социализма и национализма в новой динамической идеологии». Она напрочь отвергала такие основополагающие моменты российских революционных преобразований, как классовую борьбу, гегемонию пролетариата, интернационализм и другие марксовы постулаты построения общества нового типа. Данный нереализованный проект «социализма в тюрбетейке» виделся «без русских или с русскими в подчиненном положении» [1]. По мнению западного исследователя Центральной Азии М.Ривкина, «Национализм представляет собой непредусмотренный побочный продукт советской национальной политики и прямой результат советских социально-экономических преобразований» [2]. Здесь имеется в виду, что оформлению национал-коммунизма способствовала набирающая силу в Союзе политика силовой модернизации восточных обществ, а также национально-государственное размежевание 1924 г., не принятое лидерами национальной элиты.

Проблема «автономии» неоднократно рассматривалась видным политическим и государственным деятелем Тураром Рыскуловым, унаследовавшим идеи Большого Туркестана от джадистского движения, и стремившийся противопоставить их политике сепаратизма и дезинтеграции Туркестана со стороны центра. Т. Рыскулов был ярким представителем национал-коммунизма, который представлял собой попытку творческого переосмысления марксизма с учетом специфики колониального восточного общества, синтеза коммунизма и национализма в единую идеологию.

На идейное становление Т. Рыскулова оказал большое влияние неординарный большевик, известный теоретик национального вопроса Г. Сафаров

(Вольдин), который одним из первых в 1921 г. в книге «Колониальная революция (Опыт Туркестана)» выдвинул теорию привнесенного характера революции в Туркестане, которая приняла здесь типично «колонизаторскую внешность» [3]. Октябрьская революция положила конец колониальному господству России над народами Казахстана и Средней Азии, но сталинский курс на тотальный централизм в сочетании с национальным нигилизмом вызвали в регионе кризис неоправданных ожиданий: коренные жители не почувствовали себя хозяевами своей судьбы, а русификаторские тенденции и вытравливание исторической памяти народа получили новый импульс, но на это раз не от русских миссионеров времен Российской империи, а от поборников пролетарского интернационализма и воинствующих безбожников.

В работе Г. Сафаров констатировал отсталость Туркестана, указывал на отсутствие здесь предпосылок для социалистической революции. Он подчеркнул факт создания Коммунистической партии в Туркестане только после победы Октября, что в нее влилось множество представителей старого мира, которые надеялись на сохранение прежних (т.е. колониаторских) общественных условий под лозунгом Советской власти. Он обратил внимание на отсутствие классовой дифференциации и в этой связи охарактеризовал царские в традиционном обществе отношения как патриархально-феодалные. Сафаров показал, что старая культура Туркестана «не признает никаких наций, она говорит, что нет киргизов, узбеков, туркмен, татар, что все это есть мусульмане, и в соответствии с этим она задерживает процесс национально-культурного самоопределения» [4].

В книге Сафаров сформулировал основные принципы национальной политики большевиков в Туркестане: во-первых, проявление терпения и терпимости к коренным этносам в области традиционного уклада жизни, сложившейся системы социально-экономических отношений в национальной деревне, религии и т.д.; во-вторых, учитывая антипатию местного населения к жителям городов, большинство которых в Туркестане составляли русские, поставить во главу угла политики Советов в Туркестане лояльность и строгий учет местных особенностей. Только это, подчеркивал он, может обеспечить решение национального вопроса с позиций Советской власти. Взгляды Сафарова стояли в явном противоречии с платформой главного идеолога национальной политики И. Сталина, который выдвинул идею форсированной модернизации национальных масс, сопровождаемой резким разрушением традиционной структуры социально-экономических и общественно-политических отношений в регионе.

На X съезде РКП(б) при обсуждении национального вопроса Сафаров в своем выступлении заявил, что партия «мало интересовалась национальным вопросом, в результате чего был допущен целый ряд непростительных ошибок и задержек в процессе революционного развития на многих окраинах» [5]. Г.И. Сафаров в своем выступлении остано-

вился на необходимости преодоления отчуждения между русскоязычным и местным населением и предложил провести «национально-культурное самоопределение» народов Востока [6]. В заключительном слове Сталин сказал: «Это бундовская формулировка: национально-культурное самоопределение. Мы давно распростились с туманными лозунгами самоопределения – восстанавливать их не нужно» [7]. Он твердо стоял на позиции неприятия национального самоопределения.

К тезису об Октябрьской революции как «колониаторской революции» подключился и Т. Рыскулов. В известной публикации «Революция и коренное население Туркестана» 1925 г. он дает такие материалы о положении казахов в послереволюционный период в Аулие-Атинском уезде и Семипалатинской губернии, которые иллюстрируют продолжающуюся великодержавную, имперскую линию [4, с. 39]. Т. Рыскулов считал, что нельзя рассчитывать на исключительно коммунистическую революцию на Востоке, она там примет национальный и мелкобуржуазный характер, но с необходимостью разовьется в социалистическое движение. Поскольку рабочие революционные организации Востока были еще слабы, руководство в них, по его мнению, должны были принять на себя мелкобуржуазные демократы. Данные мысли были высказаны Т. Рыскуловым на I съезде народов Востока в г. Баку, где дебатировалась проблема антиколониальной революции и роли мусульманских коммунистов.

Все рекомендации мусульманских делегатов были отвергнуты руководителями Коминтерна Зиновьевым, Радеком и Бела Куном. Они считали, что обе революции – национально-освободительная против империализма и социалистическая против феодалов и местной буржуазии, – должны совершаться одновременно. Большинство европейских делегатов настаивали также на необходимости передать руководство революционным движением в колониях не радикальной мелкой буржуазии, а беднейшему крестьянству. На Востоке, где нет промышленного пролетариата, говорил Бела Кун, диктатура пролетариата будет означать диктатуру беднейшего крестьянства [8]. По сути, руководители Коминтерна выступили единым фронтом против зарождавшегося национал-коммунизма, который трактовался как «заблуждение» коммунистов национальных периферий, отступление от единой политической линии партии в национальном вопросе.

Особенность момента состояла в том, что именно к периоду 20-30-х гг. относится начало политизации ислама в среде последователей коммунизма на Востоке в условиях транзитного этапа перехода к индустриальному обществу. Одним из видных теоретиков национал-коммунизма был видный татарский коммунист Мирсаит Султан-Галиев, который сделал «попытку соединить в национализме марксизм и ислам в расчете на возможность ниспровержения международного империализма революционным движением народов Востока» [8, с. 101]. Еще на Втором съезде коммунистов народов Востока в ноябре 1919

г. он заявил: «Идя на Восток, мы можем идти с идеей национализма и вместе с тем тут же прокладывать коммунистические идеи» [9].

Султан-Галиев опирался на ислам, заявляя: «... в понятии мусульман весь мусульманский мир без различия национальностей и племен является одним неразделенным целым... В России на 10-12 тыс. населения – один приход, а у мусульман на 700-1000 душ – одна мечеть... Тюркские народы более тесно связаны с исламом, чем все другие народы» [10]. Ислам он расценивал как средство политической идентификации тюркских этносов, населяющих Туркестан. Султан-Галиев считал, что революция на Востоке рядом черт должна отличаться от революции на Западе. Во-первых, революционное движение на Востоке должно считаться с национальной культурой, но никак не отвергать ее. Помимо прочего, это означало благосклонное отношение к более широким национальным движениям, прежде всего к пантюркизму, объединявшему отдельные национальные культуры. Во-вторых, революционные движения на Востоке должны будут занять гибкую позицию по отношению к исламу.

В 1920-1921 гг. он был начальником Восточного отдела Политуправления Красной Армии и одновременно членом, а затем председателем Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). С 1920 г. до 1923 г. Султан-Галиев работал членом коллегии Наркомнаца и часто отстаивал свои взгляды перед не терпящим возражений наркомом. Он не согласился с предложенной Сталиным иерархией автономий, с принижением роли автономных республик. «Чем, скажите, пожалуйста, отличается Туркестанская Советская Республика от Грузинской Республики? – спрашивал он. Отличается тем, что в несколько раз больше население, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской Республики, и, кроме того, по своему стратегическому и политическому положению Туркестан занимает в отношении «независимости»... которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное положение, чем Грузия» [6, с. 66]. Султан-Галиев настаивал на равной суверенности республик, на том, что не должно быть, как он выразился, сыновей и пасынков. Сталин в своем ответе на критику назвал идею повышения статуса автономий «мертворожденной, реакционной» и потому решительно отвергал ее.

Султан-Галиев призывал большевистских руководителей, все еще глядявавшихся в западный горизонт в надежде увидеть там первые всполохи мирового пожара, обратить свой взор на революционный Восток, подсказывал им пагубность патерналистских замашек «старшего брата», подчинения центру народов и народностей, вступивших на революционный путь в первую очередь и по преимуществу для того, чтобы отныне и впредь взять в свои руки собственную судьбу свою, добившись права на самоопределение. Султан-Галиев творчески преобразовал марксизм применительно к фундаментальным отличиям политической и социальной действитель-

ности, в которой жили народы Средней Азии. Мы видим, что взгляды татарского коммуниста в национальном вопросе перекликаются с позицией Т. Рыскулова, поскольку они являются яркими представителями национал-коммунизма. На это обратил внимание И. Сталин, который писал: «... речь идет об идейной, идеологической связи с султан-галиевщиной. Но что такая связь у Рыскулова с Султан-Галиевым была – это ясно, товарищи, это не может отрицать и сам Рыскулов» [11]. В июне 1923 г. на совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик, где обсуждалось дело Султан-Галиева, Сталин призвал решительно отмежеваться от султан-галиевщины (позднее появится «икрамовщина», «рыскуловщина» и т.д.) [6, с. 85]. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 8 декабря 1939 г. Султан-Галиев был расстрелян [6, с. 126].

Садыков Е.Б. раскрыл природу и содержание национал-коммунизма: «С историко-политологической же точки зрения актуальным представляется теоретическое содержание национал-коммунизма как учения, не нашедшего своей практической реализации. В условиях модернизирующего мира народы колониального Востока выступили с претензией на самостоятельное развитие с правом сохранения традиционных идентичностей. Однако эти документы, вытекающие из программных документов Алаш Орды, на основе большевизма приобрели более радикализированный характер и, согласно его, рецептуре трансформировали национально-освободительное движение в движение экстремал воинствующего толка по вытеснению нетюрков со своей территории. Национал-коммунизм явился естественным, хотя и неожиданным порождением большевизма с такими же генетическими признаками нетерпимости, конфликтным характером и тоталитарными наклонностями. Все же совмещение этих ориентаций было невозможно, поскольку русский большевизм исповедовал классовый подход в ущерб национальному, а тюркский коммунизм стал возводить в превосходную степень этническую обособленность» [12]. Мы не можем согласиться со всеми выводами уважаемого коллеги: спорной представляется его увязка национал-коммунизма с Алашордынским движением, более основательной была связь национал-коммунизма с туркестанским джадизмом, который отстаивал примат национального единства на основе тюркского родства. Кроме того, для прогрессивного крыла тюркского джадизма не был свойственен этнический шовинизм и нетерпимость, а наблюдалось толерантное отношение к не тюркам. Отставание Т. Рыскуловым идеи создания монотюркской коммунистической партии и тюркской автономии демонстрирует, возможно, не «нетерпимость, конфликтность и тоталитарные наклонности» национал-коммунизма, а преемственность во взглядах Т. Рыскулова с движением тюркских автономистов. Следует также учесть существовавшую в регионе практику создания мусульманских революционных организаций – Мусульманское бюро РКП (б), раз-

личные мусульманские союзы рабочих, к примеру, «Верненский союз мусульманских рабочих» [13], которая подвела Рыскулова к идее создания монотюркской коммунистической партии. Тем самым Рыскулов в условиях нарастания централизаторских тенденций и игнорирования интересов местных этносов со стороны официального руководства коммунистической партии и государства, пытался привлечь внимание русских коммунистов на национальную самобытность революционного движения в Туркестане.

Составной частью национал-коммунизма была идея создания тюркской автономии, «тюркской республики». М. Султан-Галиев активно продвигал идею создания единого тюркского государства: «Я выдвигал положение о необходимости подготовки образования так называемого Туранского государства как народно-демократической республики на основе государственного капитализма» [14]. В состав Туранского государства предполагалось включить татар, башкир, казахов, киргизов, узбеков, туркмен и другие тюркоязычные, а также мусульманские народы СССР. Разногласия у последователей Султан-Галиева вызвал вопрос о включении Западного Китая и Венгрии в состав Туранского государства [10, с. 93]. Руководящую роль в нем должны были играть тюрко-татары СССР.

В Туркестане в этот период даже среди коммунистов получили распространение идеи создания единой Тюркской автономии. В записке, переданной по телеграфу из г. Ташкента, значилось: «Вопрос об автономии служит здесь предметом горячих дебатов в среде коммунистов, в особенности мусульманских... послезавтра открывается специальная мусульманская коммунистическая конференция, к которой мусульманское бюро подготовило резолюцию по вопросу автономии следующего содержания: «1. Туркестан ... считать страной тюркских народностей – киргиз, сартов, узбеков, туркмен и каракалпаков, кипчаков... 2. Согласно пункта второго Конституции РСФСР Туркестанскую советскую автономную республику считать национальной советской республикой, где самоопределяющимся народом коренным считается тюркский народ... поэтому... Туркская Республика должна именоваться Тюркской...» [15]. Аналогичное решение было принято на V краевой конференции Коммунистической партии Туркестана [16]. Кроме того, ЦИК Туркестанской АССР в декрете от 24 августа 1918 г. провозгласил тюркский язык наравне с русским государственным на территории республики [17]. За этими важными политическими решениями зримо выступает «мощная» фигура Тураара Рыскулова, который в провозглашенной в 1918 г. коммунистическим режимом Туркестанской Автономной Советской Социалистической республике в 1919-1920 гг. занимал руководящие посты – заместителя председателя, а затем председателя правительства, председателя ЦИК, руководителя Мусульманского бюро ЦК Компартии Туркестанской АССР.

Лозунг «тюркской республики» центром был признан несостоятельным и весь состав Президиума

ТурЦИКа с «московской подачи» был сменен решением Турккомиссии (по инициативе М.В. Фрунзе), а в 1938 г. Т. Рыскулов стал жертвой тоталитарных репрессий. Как заметил А. Авторханов: «Каждый раз, когда чистили, арестовывали и казнили национал-коммунистов, их неизменно связывали либо с враждебными партиями, либо прямо с контрреволюцией: грузинских национал-коммунистов связывали с грузинскими меньшевиками и князьями; армянских – с дашнаками, азербайджанских – с мусаватистами; татаро-башкирских и туркестанских – с басмачами; украинских с сепаратистами, белорусских – с «нацменами»; еврейских – с сионистами» [18]. Хотя мусульманские коммунисты в данном случае прикрывались лозунгами «интернационального объединения всех трудящихся и угнетенных народов», но налицо влияние «пантюркизма» с его идеей политического единения мусульманских народов.

Большевики не могли абсолютно игнорировать стремление к единению мусульман, поскольку «... в настоящее время Туркестан переживает состояние брожения и имеется много данных за возможностью владения симпатиями широких мусульманских трудовых масс. Немедленное введение в жизнь отношения о республиках внесет во всю туркестанскую работу величайшие хаос и, несомненно, сыграет на руки самым отрицательным националистическим верхушкам...», поэтому вопрос о национально-государственном размежевании республик Средней Азии был отложен до 1924 г. А в преддверии этого эпохального события советская власть в регионе постепенно укреплялась за счет оттеснения «националистов-пантюркистов», назначения на высшие должности представителей центра. По мнению большевиков, Советская власть в Туркестане могла «создаваться только на основе мощи всего российского пролетариата. Поскольку Туркестан не был связан с живыми соками там, в центре, а здесь на местах живых соков не было» [19].

В начале эпохального XX века обширный центральноазиатский регион втянулся в арену глобальных модернизационных процессов, связанных с ростом национального самосознания, поисками национальной идентификации и с глубокой трансформацией традиционной структуры общества. Проводниками новых реформаторских идей были лучшие представители духовно-интеллектуальной элиты Казахстана и Туркестана, теоретические взгляды которых оформились под влиянием западной буржуазно-либеральной мысли, джадистского просветительства и опыта национально-культурных моделей модернизации в таких странах, как Турция, Египет, Индия. При этом доминантой программных установок национально-мусульманских движений выступала идеология национально-территориальной автономии.

Литература:

1. Барыбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. - Алматы: Дайк-Пресс, 2005. - С. 484.

2. Rywkin M. Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. Armonk (N.Y.). - London: Sharpe, 1982. - 186 p.
3. Исаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 - лето 1918 гг.). - М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. - С. 600.
4. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. - М., 1931. - С. 99. Кадысова Р. Ж. социалистическая модель модернизации в Казахстане (1917-1940): советская и постсоветская историография. Дисс. на соиск. уч. степени д.и.н. - Павлодар, 2005. - С. 290.
5. Кулешов С.В. Великий Октябрь и торжество ленинской национальной программы партии: реальность истории и банкротство ее фальсификаторов. - М.: Высшая школа, 1987. - С. 144.
6. Шаститко П.М. Обреченные догмы: Большевизм и национальный вопрос. - М.: Восточная литература, 2002. - С. 84.
7. Сталин И.В. - Соч. Т. 5. - С. 48.
8. Мирсаит Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. - М., 1990. - С. 142.
9. Ненароков А.П. К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917-1924. - М.: Наука, 1991. - С. 272. - С. 26.
10. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. - М., 1931. - С. 99.
11. Сталин И.В. Соч. М.: Госполитиздат, 1954. - Т.5. - С. 304-305.
12. Садыков Е.Б. Казахстан в составе Российской Федерации (1917-1937 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степени д.и.н. - Алматы, 1999. - С. 54.
13. Алампиев П.М. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - С. 451.
14. Красная Татария. - 1929. - 20 октября.
15. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 786. Л. 3-4.
16. Абдушукуров Р.Х. Исторический опыт разрешения национального вопроса в республиках Средней Азии и Казахстана. - М.: Офсетное производ-во Изд-ва восточной лит-ры, 1962. - С.106.
17. ЦГА Республики Узбекистан. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 270. Л. 78.
18. Авторханов А. Империя Кремля. - Минск-Москва: Полифакт-Дружба народов, 1991. - С. 112.
19. ЦГА Республики Узбекистан. - Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 39. Л.

Рецензент: к.и.н., и.о. доцента Садыков А.Е.